

—

ХИ.

В южном пригороде Цзянчэна раскинулось поместье. Изящные павильоны с летящими карнизами, галереи над водой и просторные залы — этот элегантный сад принадлежал главнокомандующему Цзянчэна Лу Хэ.

Однако семья Лу Хэ проживала в столице, а сам он, будучи человеком одиноким, подолгу оставался в расположении войск, так что поместье естественным образом пустовало.

Сегодня после полудня соседи заметили группу людей в черном, сновавших туда-сюда по саду. После долгого затишья здесь вновь стало шумно — казалось, в дом въехала какая-то важная персона.

— Выпустите меня! Вы хоть знаете, кто я такой?

— Раз вы посмели так со мной обойтись, мой отец, узнав об этом, обязательно вздернет на воздух все ваши семьи!

Лэй Янь вопил в сторону соседнего двора, надрываясь за оконным переплетом. Лэй Линлун сидела на стуле; лицо её было мертвенно-бледным, а мысли — в полном смятении.

Гу Сьюань сидел под большим деревом во дворе и, казалось, вовсе не слышал этого шума. Он не обращал на крики ни малейшего внимания, полностью сосредоточившись на том, что писал.

Прошло немало времени.

Тени цветов у стены дрогнули. Се Чэньюнь приник к его спине и тихо спросил:

— Ты писал это еще до моего ухода, неужели до сих пор не закончил?

Гу Сьюань обернулся:

— Вернулся? Ты славно потрудился.

— Хм, на то, чтобы приструнить кучку ничтожеств, много времени не нужно. Теневые стражи ведут солдат гарнизона через главные ворота, скоро должны быть здесь.

Се Чэньюнь надул губы и бесцеремонно уселся на табурет напротив него. Глядя на него такого, Гу Сьюань снова почувствовал зуд в руках — захотелось ущипнуть его за щеку.

В этот момент у главных ворот послышался шум. Теневые стражи вернулись.

Солдаты один за другим заносили деревянные ящики, а следом ввели несколько десятков человек со связанными руками. Командир теневых стражей почтительно доложил:

— Господин, всё устроено. Люди школы Пили, остававшиеся на пристани, схвачены. Целое судно с огнестрельным оружием и взрывчаткой перешло под наш контроль.

— Хорошая работа, — спокойно кивнул Гу Сьюань.

Договорив, он сделал несколько шагов вперед, открыл ящики, осмотрел лежащие внутри черные штуковины и, покачав головой, произнес:

— Какая грубая поделка.

Услышав это, несколько пленных из школы Пили не удержались и гневно сверкнули на него глазами. Заметив их взгляды, теневой страж отвесил одному из них пинка:

— Веди себя смирно! Еще смеешь ерепениться?

Лицо Се Чэньюня тоже потемнело. Он холодно посмотрел на них и сказал Гу Сьюаню:

— Эти ребята совсем не знают рамок. Пока судно стояло у берега, они вели себя крайне нагло, издевались над грузчиками на пристани. Может, просто убить их и выбросить в реку на корм рыбам?

От этих слов пленные вздрогнули, осознав, что перед ними человек, с которым шутки плохи.

Гу Сьюань легко усмехнулся и, не ответив прямо, указал на нескольких человек, чья одежда была заметно лучше, чем у обычных учеников:

— Вы, выйдите вперед.

Услышав приказ, те замялись, не решаясь сдвинуться с места. Теневые стражи не дали им времени на раздумья — безжалостные пинки мигом вытолкнули их к Гу Сьюаню. Люди не смели ни сопротивляться, ни даже стонать от боли.

Гу Сьюань бросил на землю свиток из овечьей шкуры, полученный от Сун Чжэнцина, и бесстрастно произнес:

— Посмотрите на то, что здесь изображено. Сможете это изготовить? Если да, то у вас есть шанс. Если нет... — здесь его голос стал пронзительно холодным, словно навалилась вековая толща льда, — то в следующем году в этот же день близкие будут справлять по вам поминки!

При этих словах один из пленных — пухлый, круглолицый мужчина средних лет в довольно дорогом платье — внезапно заголосил:

— Вы, беззаконники! Я шурин помощника главы школы Пили по фамилии Хань! Мою сестру ценят больше всех! Если вы так со мной поступите, мой зять вам этого не спустит!

Се Чэньюнь холодно усмехнулся — этот толстяк был тем самым наглецом, который на пристани избил носильщика до крови. Не говоря ни слова, Се Чэньюнь вскинул ногу и с силой пнул эту «мясную тушу».

Толстяк, словно мешок с песком, пролетел вперед и врезался головой в декоративный камень-альпинарий. Лицо его тут же залило кровью, и он повалился на землю, не в силах подняться от боли. Се Чэньюнь подошел, наступил ему на ладонь и, глядя сверху вниз, процедил:

— Еще раз откроешь рот — и я отрежу тебе язык.

Лицо толстяка исказилось от муки, но он из последних сил зажал себе рот руками, не смея издать ни звука, и лишь отчаянно закивал. Остальные избранные мастера тоже содрогнулись, понимая, что их жизнь теперь висит на волоске. Они торопливо склонились, развернули пергамент и принялись жадно изучать чертежи. Даже окровавленный толстяк, отбросив все

лишние мысли, придвинулся поближе к рисунку.

Примерно через время, необходимое, чтобы выпить полчашки чая, Гу Сьюань поставил чашу на стол:

— Время вышло.

Се Чэньюнь понял, что Гу Сьюань намерен устроить им проверку. Он поднялся и обошел мастеров по кругу:

— Кто из вас ответит первым?

Взгляд Гу Сьюаня небрежно остановился на мужчине средних лет с усами-щеточкой:

— Начнем с тебя.

Мужчина с усами медленно прополз на коленях вперед на несколько шагов, осознавая, что в этот раз они попали по-крупному. У этих людей явно была могущественная поддержка, и действовали они абсолютно без оглядки на последствия. Среди бела дня они смогли задействовать регулярные войска для их поимки. Противник не собирался оставлять им выбора и совершенно не боялся их связей или угроз.

Се Чэньюнь посмотрел на него:

— Говори честно: понял — значит понял, не понял — так и скажи.

Мужчина с усами затрепетал:

— Понял, я действительно всё понял.

Гу Сьюань оставался спокоен. Он произнес ровным голосом:

— То, что понял — хорошо. Не нужно нервничать, говори по порядку.

Мужчина медленно поднял голову. Стоящий перед ним молодой человек обладал благородным и суровым величием, а его взор был невозмутим, как тихая гладь пруда. Но мастер знал: стоит его ответу не угодить этому человеку, и тихие воды в мгновение ока превратятся в сокрушительный поток или ледяную бездну, которая поглотит его без остатка.

Он глубоко вдохнул, лизнул сухие, побелевшие губы и начал медленно рассказывать:

— В этих чертежах в основном говорится о...

Спустя некоторое время Гу Сьюань кивнул. Для этой эпохи знать так много и суметь разобраться в общих принципах было уже весьма похвально — перед ним был настоящий профессионал.

Уголки его губ слегка приподнялись в подобии улыбки, и он одобрительно произнес:

— Не совсем бесполезен. Ты можешь пригодиться.

Мужчина с усами мгновенно выдохнул, всё его тело расслабилось — он понял, что на этот раз прошел проверку.

Гу Сьюань взмахнул рукой:

— Уведите его и обустройте в отдельной комнате.

Тот сразу сообразил, что к чему, и отвесил тяжелый поклон:

— Благодарю, господин! Благодарю, господин!

Теневые стражи едва не закатили глаза. Куда подевался тот образ «непреклонного героя», который он разыгрывал на корабле во время захвата?

Гу Сьюань перевел взгляд на остальных людей из школы Пили:

— Надеюсь, вы тоже меня не разочаруете.

— Ни в коем случае, ни за что не разочаруем! — хором ответили те.

Гу Сьюань уже собирался указать на следующего по порядку, как вдруг толстяк, которого недавно проучил Се Чэньюнь, внезапно активно замахал рукой, заискивающе крича:

— Господин, господин, я! Позвольте мне, я тоже во всём разобрался!

Гу Сьюань посмотрел на него, его голос звучал леденяще:

— Действительно разобрался?

Встретившись с ним взглядом, толстяк почувствовал, как сердце ушло в пятки, но, стиснув зубы, ответил:

— Ра... разобрался.

Про себя он лихорадочно успокаивал себя: «В таких вещах обыватель точно не смыслит. Этот юноша с виду — выходец из богатой чиновничьей семьи, он наверняка ничего не понимает в этих громовых снарядах. Предыдущий уже столько наговорил, я просто повторяю то же самое, и этого наверняка хватит, чтобы отделаться».

Гу Сьюань кивнул и безучастно спросил:

— Хорошо. Расскажи, что это за вещь и как её примерно изготавливать?

Толстяк поспешно отозвался и начал объяснять:

— Это... на чертежах изображен Громовой Снаряд Пили. Но такой, который можно метать прямо рукой, не нужно использовать самострел, чтобы он взорвался. И еще, когда он будет готов, он должен быть чуть больше обычного снаряда Пили, а потом...

Прошло немало времени, прежде чем он, запинаясь и пропуская важные детали, пересказал то, что до этого говорил мастер с усами.

Он поднял глаза на Гу Сьюаня.

— И это всё? — спокойно спросил тот.

От этого взгляда по лбу толстяка мгновенно покатился пот:

— Вс... всё, только это...

Гу Сыюань слегка постучал пальцами по столу. Глядя на жирного мужчину, он равнодушно вынес вердикт:

— Ты ничего не понял. Ты пытаешься меня обмануть.

Се Чэньюнь за время общения с Гу Сыюанем уже достаточно изучил его характер и понял, что тот окончательно потерял терпение. Его лицо посуровело, и он снова вскинул ногу, нанося удар:

— Слепая собака! Кто дал тебе смелость водить нас за нос?

Удар был огромной силы: толстяк взлетел высоко вверх и с грохотом рухнул на землю. Поднялась пыль, примялась трава. Неизвестно, сколько костей у него сломалось, он выплюнул несколько сгустков крови и тут же лишился чувств.

Се Чэньюнь повернулся к тeneвым стражам и холодно бросил:

— Вытащить его и в реку, на корм рыбам.

Теневого страж немедленно исполнил приказ. Схватив толстяка за одну ногу, он потащил его прочь, словно грязный мешок с тряпьем.

У остальных коленапреклоненных людей при виде этой сцены екнуло сердце, а дыхание стало тихим и прерывистым. Каждый до смерти боялся, что станет следующим, кого постигнет такая участь.

В этот момент снова раздался голос Се Чэньюня:

— Следующий.

Во время допроса этого человека — вероятно, из-за предыдущей попытки толстяка схитрить — Гу Сыюань не ограничился общим описанием чертежа. Он начал задавать конкретные, глубокие вопросы. Отвечающий вздрогнул, бросил на Гу Сыюаня внимательный взгляд и стал отвечать еще более детально.

Прошло около часа, пока допросили всех. И каждый из них теперь испытывал к этому благородному молодому человеку невыразимое почтение, искренне признавая его своим господином. Их хозяин действительно понимал толк во взрывчатке и снарядах. Он понимал эти процессы даже глубже, чем они сами.

Все они невольно вспомнили того самоубийцу-толстяка и в душе вздохнули: «Пытаться махать мечом перед самим Богом Войны — поделом ему, умер и ладно».

Гу Сыюань же сохранял невозмутимость. Обернувшись к мастерам, в чьих глазах читалось скрытое восхищение, он сказал:

— С этого момента приступайте к работе. Вы должны изготовить то, что на чертеже, в кратчайшие сроки. Если не хватает людей или материалов — говорите сразу.

— Слушаемся! — хором ответили они.

Гу Сыюань бросил им ту самую тонкую тетрадь, которую только что закончил писать:

— Здесь я проанализировал ключевые моменты. Изучите внимательно, это должно ускорить вашу работу.

Люди приняли тетрадь, мельком заглянули в неё и тут же вцепились в неё как в величайшее сокровище.

— Господин — истинный гений! С такими подробными пояснениями мы, возможно, за семь дней... нет, за пять дней изготовим первую партию! — затараторили они.

В это время за воротами двора послышался шум. Теневой страж вошел и доложил:

— Господин, командующий Лу просит аудиенции.

— Проси, — кивнул Гу Сьюань и снова обратился к мастерам: — На сегодня ваша задача — досконально изучить эту тетрадь. Завтра начнете работу. Свободны.

Группа людей с воодушевлением направилась к выходу и столкнулась в дверях с командующим Лу Хэ. Лу Хэ, нахмурившись, окинул взглядом этих людей из мира боевых искусств, после чего размашисто подошел к Гу Сьюаню, опустил на колени и совершил поклон:

— Подданный приветствует Ваше Величество.

Гу Сьюань поднял руку:

— Я прибыл инкогнито, так что оставь церемонии.

— Благодарю, Ваше Величество, — Лу Хэ поднялся, поправив полы одежд.

В этот момент люди из школы Пили, только что дошедшие до ворот, застыли и в изумлении столкнулись друг с другом. Что они сейчас услышали? Ваше Величество? Их господин... и есть нынешний Сын Неба?

Лу Хэ был чиновником из партии сторонников императора, преданным Гу Сьюаню. Его перевели в Цзянчэн всего три месяца назад. На этот раз он прибыл не только для формального визита, но и для обсуждения вопросов обороны. Ведь всего в нескольких сотнях ли отсюда, в провинциях Эчжоу и Хуанчжоу, бушевало пламя войны, и клан У рано или поздно нацелится на Цзянчэн.

Спустя некоторое время Лу Хэ покинул поместье, так же как и мастера до него, преисполненный глубочайшего восхищения. Всего парой фраз Гу Сьюань указал на несколько серьезных пробелов в системе патрулирования и обороны, привел примеры для каждого случая и вывел несколько четких правил. Лу Хэ спешил домой, чтобы поскорее усвоить эти бесценные наставления.

Теперь во дворе остались только Гу Сьюань, Се Чэньюнь и захваченные бойцы школы Пили. Это были рядовые бойцы, не обладавшие техническими знаниями.

Гу Сьюань распорядился:

— Уведите их и запирайте. С завтрашнего дня отправьте их работать на строящуюся оружейную мастерскую. Тех, кто не будет подчиняться — в реку на корм рыбам.

Теневые стражи погнали людей к выходу, однако один мужчина средних лет, выглядевший довольно образованным, остался стоять на коленях:

— Ваше Величество, этот ничтожный считает, что его польза не в том, чтобы работать в оружейной мастерской.

Се Чэньюнь посмотрел на него и холодно усмехнулся.

Гу Сьюань бесстрастно спросил:

— И что же ты скажешь?

Мужчина с видом ученого ответил:

— Этот ничтожный желает доложить о сговоре школы Пили с мятежниками клана У на том берегу реки.

Гу Сьюань кивнул:

— Излагай.

Мужчина чуть расслабился и тотчас заговорил:

— В настоящее время их сотрудничество идет по двум основным направлениям: во-первых, им нужна помощь школы Пили в борьбе за Императорскую печать, а во-вторых — закупка огромного количества огнестрельного оружия для будущих осадных сражений...

Гу Сьюань предвидел нечто подобное. Он вскинул бровь:

— Что-то еще?

Мужчина, не меняясь в лице, продолжил:

— Ваше Величество, как вы намерены поступить с двумя молодыми наследниками семьи Лэй?

Гу Сьюань слегка приподнял веки:

— У тебя есть предложения?

Глаза мужчины блеснули:

— Господин, нынешний глава школы Пили — ничтожество, знающее лишь вкус денег; он не стоит и половины вашего величия. Однако инструменты и знания, накопленные в школе Пили за поколения, весьма любопытны. Оставлять их там — пустая трата; лишь в руках Вашего Величества они обретут истинную ценность. А у главы всего двое детей, которых он нежно любит. В будущем они могут сослужить немалую службу.

Гу Сьюань кивнул, одобряя его замысел:

— Твои мысли совпали с моими.

Се Чэньюнь тоже с улыбкой взглянул на него:

— А ты не промах. Раз ты так старательно строишь планы, чего же ты хочешь взамен?

Мужчина почтительно поклонился:

— Иметь возможность хранить верность Вашему Величеству и прислуживать подле него — уже

величайшее счастье.

Се Чэньюнь мгновенно уловил скрытый смысл его слов и рассмеялся:

— Прислуживать подле Императора? Это и впрямь великая милость. Это место стоит поболее, чем восемь или девять из десяти должностей при дворе.

Мужчина смиренно улыбнулся:

— Ваше мудрое око видит насквозь.

Се Чэньюню стало еще интереснее, и он продолжил расспросы:

— У каждого в сердце есть заветная цель. Место подле Его Величества — кратчайший путь к другим высотам. Какую же должность ты мечтаешь занять в итоге?

Мужчина поднял голову, глубоко взглянул на Се Чэньюня, и в его душе почтение смешалось со смирением:

— Этот ничтожный прошел экзамены, но лишился чина из-за чужих козней. Если в будущем мне удастся попасть в Министерство наказаний и со временем дослужиться хотя бы до заместителя министра — это предел моих мечтаний.

Он ответил почти без колебаний. Было очевидно, что эта цель вынашивалась долго и въелась в саму его суть.

Се Чэньюнь не удержался от смеха. Цель была точной и не выходила за рамки дозволенного. Поистине умный человек.

Гу Сьюань взглянул на него и спокойно произнес:

— Подготовь отчет обо всех обстоятельствах твоего дела и передай мне. Если он меня удовлетворит — Министерство наказаний примет тебя.

Мужчина немедленно пал ниц в благодарности:

— Великая милость Вашего Величества! Этот ничтожный готов разбиться в лепешку, чтобы отплатить вам.

— Встань, — бросил Гу Сьюань.

В этот момент теневые стражи вывели из соседнего двора Лэй Линлун и Лэй Яня. Лэй Линлун немного пришла в себя, хотя всё еще выглядела потерянной. Лэй Янь же оставался таким же заносчивым; он заорал на Гу Сьюаня и остальных:

— Проклятые твари! Как вы смеее так обращаться с молодым господином? Клянусь, когда придет мой отец, он заставит вас страдать от тысячи порезов! Если не хватит хоть одного удара ножом — я возьму вашу фамилию!

Чашка в руках Гу Сьюаня дрогнула, и он метнул её прямо в открытый рот Лэй Яня. Послышался хруст, и тут же хлынула кровь. Глядя на залитого слезами и соплями Лэй Яня, он холодно усмехнулся:

— Мечтаешь взять фамилию Императора? Ты слишком высокого мнения о своей цене.

Се Чэньюнь, видя это, решил добавить масла в огонь:

— И то верно. Взять фамилию Его Величества — значит стать его сыном. Неужто ты и в императорскую усыпальницу после смерти метишь? Покойный император не стерпел бы такой грязи в своем покое.

Теневые стражи отвесили Лэй Яню пинка:

— Как смеешь ты дерзить в присутствии Его Величества?

— Ваше... Величество?.. — Лэй Янь вытаращил глаза, дрожа всем телом. Он явно не мог осознать происходящее.

Человек перед ним — Император? Правитель династии Великая Чжоу? Как это возможно? В мгновение ока его охватил неопиcуемый ужас.

Лэй Линлун тоже окончательно пришла в себя; её чувства были крайне противоречивы. Люди из мира боевых искусств, хоть и не питали особого почтения к правительству в частных беседах, всегда старались не переходить дорогу властям. Они вершили правосудие, убивали деспотичных богачей и помещиков, но никогда не трогали чиновников, даже самых мелких. Потому что существовали правила, которые нельзя нарушать, иначе ответный удар сокрушит их самих.

И теперь они оскорбили не простого чиновника, а монарха, восседающего на небесном престоле. Император — господин своего народа, владыка мира людей. Гнев Сына Неба нельзя навлекать безнаказанно. Теперь не только им двоим, но и всей школе Пили пришел конец...

Се Чэньюнь, глядя на их лица, холодно хмыкнул:

— Ха! Наконец-то узнали, что такое страх? Куда же делись ваши громкие речи из башни Линсюй?

Гу Сьюань взял его за тонкие пальцы:

— Стоит ли тратить на них слова?

— Отведите их в подземелье и держите в строгой изоляции. Без моего личного указа никого не пускать. Когда придет день захвата школы Пили, они нам пригодятся.

— Слушаемся! — теневой страж немедленно исполнил приказ.

— Ваше Величество! Ваше Величество, помилуйте! Забудьте обо мне, как о дурном сне! Я осознал свою вину!.. — истошные мольбы Лэй Яня еще долго доносились издалека.

Они прибыли сюда после полудня. Позже Се Чэньюнь отлучался на захват пленных, затем последовал допрос и прочие дела. К этому времени солнце уже скрылось за горизонтом. На небосклоне, подобно нефритовому диску, воцарилась ясная луна.

После ужина Се Чэньюнь, заложив руки за спину, неспешно прогуливался по двору вслед за Гу Сьюанем.

— Если бы не сегодняшний день, я бы и не знал, что Ваше Величество так сведущ в порохе и обороне...

— Лишь малые познания, — Гу Сыюань взглянул на него и негромко добавил: — В будущем, если будешь всегда подле меня, увидишь и не такое.

— ... — лицо Се Чэньюня вспыхнуло, а сердце наполнилось нежностью. Он подумал: «Как же ловко этот человек умеет говорить приятные вещи».

Гу Сыюань заметил, что его спутник внезапно замолчал, и почувствовал легкое недоумение. Се Чэньюнь поднял глаза на луну, затем посмотрел на высокую крышу и вдруг сказал:

— Я хочу подняться наверх, полюбоваться луной.

Гу Сыюань всё еще не понимал. Легкость движений Чэньюня была превосходна — если он хотел наверх, мог просто взлететь туда сам.

Се Чэньюнь посмотрел на него, надул щеки и повторил, чеканя каждое слово:

— Я. Хочу. Подняться. Наверх. Полюбоваться. Луной.

Гу Сыюань встретился с его глазами, сияющими как звезды, и в какой-то миг его осенило. Он обхватил Се Чэньюня за талию и одним прыжком взлетел на крышу.

Трудно сказать, было ли это игрой воображения, но с крыши луна действительно казалась ближе. Ветер дул сильнее; они сидели плечом к плечу, касаясь друг друга коленями. Их черные волосы развевались на ночном ветру, переплетаясь между собой.

Се Чэньюнь светло улыбнулся и тихо спросил:

— Ты помнишь нашу первую встречу? Тогда ты еще не владел боевыми искусствами, и чтобы перебраться через стену, тебе нужна была моя помощь...

— Помню, — кивнул Гу Сыюань.

Се Чэньюнь надул губы:

— С того дня прошло совсем немного времени, как же ты так быстро преуспел в мастерстве?

Гу Сыюань небрежно ответил:

— Девяносто два дня.

— ... — Се Чэньюнь.

Се Чэньюнь облизнул губы, положил подбородок на колени и, повернув голову, с легким смущением спросил:

— Ты что, помнишь каждый божий день с нашего знакомства?

Гу Сыюань на мгновение замер. Впрочем, он обладал безупречной памятью, так что в его словах не было лжи. Он кивнул и прямо ответил:

— Действительно, помню.

Улыбка Се Чэньюня стала еще шире:

— Значит... ты выделил меня с первого же взгляда? И потому сразу решил покинуть дворец вместе со мной?

Гу Сьюань кивнул:

— Да.

Се Чэньюнь негромко рассмеялся — его смех был чистым и звонким, как горный ручей весной. Его длинные черные ресницы трепетали, словно крылья бабочки — это было прекрасно и чарующе.

Гу Сьюань тоже поддался этому настроению. Он сам предложил:

— Тебе было любопытно, на что я еще способен. Хочешь послушать игру на цине?

— Хочу! — звонко и решительно отозвался Се Чэньюнь.

Однако Гу Сьюань на миг заколебался. Ему вдруг показалось, что радостный голос Се Чэньюня звучит прекраснее любых инструментов мира — стоило ли тогда играть? Но, встретив сияющий взгляд, он всё же сорвался с места и с невероятной скоростью принес из кабинета внизу древний цинь.

В этом поместье жили редко, так что инструмент оказался самым обычным, типа «Поющий родник» с семью струнами. Но музыка зависит от мастера.

Гу Сьюань сел, скрестив ноги, положил цинь на колени и коснулся струн длинными пальцами. Раздался чистый, протяжный звук. Мелодия полилась непрерывно — прохладная, как свежий ветер, журчащая, как ручей...

Се Чэньюнь слушал, подперев щеку ладонью, полностью погрузившись в музыку. Это была светлая, бодрая пьеса — словно идешь по горной тропе весенним днем, мимо прозрачных ручьев, мимо оленей у водопада и цветущих лугов... Мягкий лунный свет падал на музыканта, серебра его профиль, волосы и одежды. Багряные листья клена, кружась, опускались ему на плечи и колени.

Мелодия смолкла. Гу Сьюань хотел смахнуть опавшие листья. Внезапно он почувствовал тяжесть — кто-то со всей силы бросился на него. Первым делом Гу Сьюань отодвинул цинь в сторону, чтобы острые струны не поранили человека.

В итоге они повалились на холодную черепицу крыши, один на другого. Гу Сьюань положил руку на плечо спутника, намереваясь отстраниться. Однако в следующий миг он почувствовал теплое прикосновение к щеке. Его пальцы сжались — на мгновение он совершенно растерялся.

Снова подул ночной ветер. Темно-красные листья клена посыпались дождем, почти укрывая их обоих. Теплое прикосновение тем временем начало менять свое положение. Се Чэньюнь, лежа на Гу Сьюане, сперва робко лизнул эти тонкие губы, на которые давно засматривался.

Гу Сьюань: «...»

Гу Сьюань не совсем понимал ситуацию: не выходило ли это за рамки их «спектакля»? К тому же, они были не в дворце. Тем не менее, ощущения от прикосновения были весьма приятными. Это напомнило ему вкус желе, которое он ел в своем мире. Нахлынула легкая ностальгия.

Гу Сьюань всегда предпочитал брать инициативу в свои руки. Поэтому он рассудительно сменил способ их общения: он сам властно поцеловал партнера и не отпускал до тех пор, пока тот не начал задыхаться и щипаться от нехватки воздуха.

После этого он с невозмутимым лицом и со всей серьезностью упрекнул его:

— Чэньюнь, ты сам начал. Я лишь отплатил тебе той же монетой.

— ... — Се Чэньюнь.

Неужели это выражение используется именно в таких случаях?

—

<http://bllate.org/book/14483/1281664>